

Глубже изучать народный эпос

Товарищ Сталин учит: «...каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее».

Эти слова как нельзя более ясно характеризуют и значение сокровищницы народного творчества, в которой хранятся такие непереходящие ценности, как сказания о героях, отражающие в себе лучшие черты народа. Роденные из уст народа образы героев древности — Гераска, Ахила, Прометея, образы героев «Слова о полку Игореве», образы русских богатырей — Ильи Муромца, Миклузы Селяниновича, образ армянского витязя Давида Сасунского, образ богатыря Рустама, героя среднеазиатских дастанов и многие другие стали достоянием мировой культуры. А. М. Горький призывал писателей учиться у фольклора.

Устное народное творчество имеет и большое познавательное значение. Народ создавал образы справедливых и сильных богатырей, могущих защитить его от иноземных захватчиков и от гнета эксплуататорских классов.

Надо внимательно относиться к произведениям устного творчества, в частности, к народному эпосу, так как это внимание решает одновременно и судьбу культурного наследия и судьбу живого движущегося процесса, творчества многих сказителей, акынов, ашугов, шаирав.

Устное народное творчество близко связывается с письменной литературой. Можно ли просто отнести к фольклору, например, известные благодаря русским переводам не только в нашей стране, но и за рубежом творчество Джамбула Джабаева. Ведь в устах Сталина и Гамзата Паласа? Творчество этих народных погов является неотъемлемой частью советской поэзии в целом.

Не протрудится доказывать, какое сильное влияние еще и по сей день оказывает устная народная поэзия на письменную литературу.

Великий Ленин указывал: «...мы из народной национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации». Следовательно, и из произведений устного творчества следует брать и распространять только истинно народные творения, показывающие прогрессивные демократические идеалы и черты той или иной нации.

Однако в изучении и популяризации устной поэзии, в частности эпосов, дело обстоит далеко неблагоприятно. Ведь отнюдь не каждое устное произведение может быть признано народным. Устным поэтическим словом широко пользовались и господствующие в прошлом феодальные и религиозные верхи, создавая свой, чуждый народу и враждебный его интересам, эпос. Таковы, например, созданные в разрозненных группах, возглавлявшихся дагестанскими феодалами, «Песни о набегах», таков антинародный огузский эпос «Деде Коркут», долгое время навязывавшийся буржуазными националистами азербайджанскому и туркменскому народу, не имевшим к этому «принятию» никакого отношения.

Однако и народные в своей основе эпосы нередко доходят до нас засоренными чуждыми напластованиями. В руках феодалов эти эпосы зачастую подвергались «редакции», искажающей как идейный смысл, так и самую поэтическую ткань произведения. Таков, например, парский эпос, некритически популяризовавшийся до самого последнего времени со всеми имеющимися в нем извращениями. Казахский эпос «Кобланды-батыр», о народной основе которого позволяют судить некоторые малоизвестные его варианты, распространился в варианте сказителя Мараяба, сильно засоренном исламскими идеями борьбы за веру и истребления «неверных».

Значительному искажению подвергся киргизский эпос «Манас». Отрывок из «Манаса» «Великий поход», пропандированный на киргизском и русском языках, объявленный апологетами теории «единого потока» средоточием героических и патристических черт киргизского народа, является на самом деле произведением, насыщено пропитанное чуждыми киргизскому народу панисламскими и военно-авантюристскими идеями.

Даже такой ясный в своей народной основе эпос, как «Кер-оглы» («Гургулы», «Гороглы»), бытующий в Азербайджане, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане, изображающий землю обетованную, в которой правят трудящиеся люди, и тот в ряде вариантов испорчен позднейшими феодально-башкискими и религиозными насласаниями. Буржуазные националисты долгое время орудовали на участке фольклора, руководя его записью и популяризациию.

Преподносая народу феодально-башкискую страшилку, приверженцы «единого потока» прикрывались разговорами о том, будто бы все записанное из уст сказителя является голосом народа, своего рода «гласом боярам», и никакой критике, сравнению и редактированию не подлежит. На таких позициях в ряде случаев оказались и некоторые уважаемые ученые и литераторы. Так гг. Ег. Мозыльков и В. Джакишев некритически восхвалили в своем предисловии к русскому изданию «Великого похода» весь эпос «Манас» в целом как

Ковш Бориса Новаленно

КУРЬБИШЕВ. (Наш корр.). В Жигулях, на правом берегу Волги, начато сооружение поводящего канала, по которому вода из Курьбишевского моря пойдет в гидротурбинное отделение электростанции.

Эксператоры уже вынули из ложа будущего канала огромное количество грунта. В глубокую забое с отвесной стеной видны каменные пласты древних геологических наслоений. Желтоватая пыль окутывает большегрузные самосвалы, вывозящие из забоя породу.

Среди экскаваторщиков, роющих поводящий канал, немало людей, уже знакомых читателям «Литературной газеты». Здесь работает Б. Коваленко, по предложению которого ковш трекубового «Уральца»

«Специальный художественный памятник самоутверждения народа».

«Безграничная отвага» героев этого эпоса, по словам авторов предисловия, «служила и будет служить образцом для многих поколений», ибо «в лице Манаса и его богатырей... воплощены лучшие черты киргизов: их мужество, стойкость, любовь к родине и свободе». Ни одного слова критики не нашлось у авторов предисловия ни для одного из реакционных, извращенных феодально-башкиским вмешательством вариантов эпоса, даже для целиком порочного его отрывка «Великий поход», содержание которого авторы подробно и бесстрастно излагают. А проф. Л. Калмыков в своей хрестоматии по литературе народов СССР охарактеризовал в восторженных тонах антинародный феодальный эпос «Деде Коркут», сравнивая его «по богатству содержания» со «Словом о полку Игореве».

Указания партии по вопросам литературы и искусства, осудившие татарский и башкирский феодальный эпос об Икее, сказания о Золотой Орде и пьесы, некритически воспроизводящие жизнь и подвиги ханов и царей, а затем и статья «Правды» — за марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана — положили начало перемотору проблемы эпоса.

Совещания по идеологическим вопросам, прошедшие в ряде союзных республик, в числе других проблем обсуждали и вопросы изучения и популяризации эпоса.

Вопросы эпоса неоднократно обсуждались в Казахстане. Плотнотворно прошла в Алма-Ата организованная Союзом писателей Казахстана трехдневная дискуссия работников литературы и искусства, посвященная вопросам использования мотивов эпоса и истории в драматургии. Однако здесь имели место попытки отстоять законно отвергнутые общественностью фальсифицированные феодально-башкиские произведения. В отдельных случаях в отношении к эпосу наблюдались и проявления нигилизма.

Серьезно был поставлен вопрос о народности киргизского эпоса «Манас» в Киргизии. Этот вопрос широко обсуждался в республиканской печати и на специальной сессии киргизского филиала Академии наук СССР с привлечением научных сил из других наших республик, из Москвы и Ленинграда. Были подняты многочисленные вопросы из архивов, производялись новые записи со слов сказителей, свободных теперь от указки буржуазных националистов.

О чувстве ответственности, с каким подошли участники сессии к решению вопроса о древнем культурном памятнике народа, неразрывно связанном с его жизнью и развитием на протяжении ряда веков, свидетельствует решение о создании своенного варианта эпоса «Манас» по примеру отобранного из десятков вариантов «Давида Сасунского», вариант, очищенного от чуждых напластований и извращений, в котором будет сохранено все то лучшее, что было создано киргизским народом в прошлом. Сессия справедливо осудила то преувеличение значения эпоса «Манас» в деле воспитания народа, которое имело место в Киргизии.

Менее глубокой была работа, проделанная в узбекской Академии наук с эпосом «Алпамыш». Осудив, как антинародный, распространившийся доселе вариант, записанный в 1927 году, участники совещания, проведенного узбекской Академией наук весной этого года, не занимались, однако, изучением и записью других вариантов, бытующих в некоторых районах республики. А ведь они могли бы дать материал для глубоко обоснованного решения вопроса в целом. Нет твердой уверенности в том, что, давая критическую оценку одному из вариантов эпоса «Алпамыш», ученые и писатели Узбекистана достаточно глубоко изучили все три варианта, которыми располагает академический архив.

Подобная поспешность не должна иметь места при решении вопросов культурного наследия.

Неясность в вопросах эпоса возникает отчасти и потому, что наша критика и литературоведение устранились от вопросов устного народного творчества, считая их достоянием специалистов по фольклору. Специалисты же по русскому фольклору считают излишним заниматься устным творчеством братских народов СССР, представляя эту сферу выиманию одних лишь востоковедов.

Таким образом самое руководство работой по народному творчеству раздроблено, а силы людей, занимающихся этим важнейшим вопросом, расплывлены, раздвинуты искусственно созданными перегородками.

Секретариату и бюро национальных комиссий Союза советских писателей СССР необходимо занять более определенную и активную позицию в разработке устного народного творчества. Следует оживить деятельность секции фольклора, ныне работающей келейно, поопинать ее свежими силами. К проблематике эпоса надо привлечь внимание широкой писательской общественности. Работа комиссий Союза писателей должна вестись в тесном контакте с Институтом востоковедения, сектором литературы народов СССР Института мировой литературы имени Горького, кафедрой фольклора МГУ и другими научными учреждениями и организациями.

Дело чести наших ученых и писателей поставить изучение эпосов на должную высоту, не допуская нигилистического отношения к эпосам, а также их фальсификации и засорения чуждой идеологией, следовательно бороться с попытками протаскивания антинародных националистических пзмыслов, вроде «Деде Коркут» и «Песен о набегах».

увеличен почти в полтора раза. Сейчас Б. Коваленко роет грунт ковшом своей конструкции, изготовленного комсомольцами Уральского завода тяжелого машиностроения. Применяя такой же ковш, бригада знающего экскаваторщика стройки В. Клементьева дает ежедневно полторы нормы.

Превосходно работает И. Яшнунов. На его экскаваторе сменная норма — 954 кубометра, а он дает свыше трех тысяч кубометров. Это сейчас самая высокая выработка на строительстве. Бригада И. Яшнунова решила доставить месячную выемку грунта из русла канала до ста тысяч кубометров и настойчиво борется за это. У нее на стройке — много последователей.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 79 (2952) С-162763

Москва, 1 июля 1972 г.

Цена 40 коп.

Прошлое и настоящее Антуана Пинэ

Принимая во внимание, что сенатор департамента Луара Антуан Пинэ констатировал 10 июля 1940 года за передачу конституционной власти Филиппу Петэну... Принимая во внимание ту поддержку, которую он до конца оказывал уруптору и его представителям...

Так 25 сентября 1945 года обосновывая суд чести свое решение: лишить Антуана Пинэ, коллаборациониста, бывшего члена так называемого «национального совета» при предателе Петэне, права быть избранным в представительные органы власти Франции. Этот приговор на время оборвал позорную карьеру г-на Пинэ...

В мае 1936 года в Бурбонском эвуэриу в Париже, где издавна помешалась французская палата депутатов, пошел неяркого цвета человек. Потоптавшись в некоторые время у входа, он прельял охранников и вошел в помещение, в котором в какой-то степени репалась судьбы Франции.

Так Антуан Пинэ вступил на арену французской политики.

Присяжных биографов у г-на Пинэ во Франции до последнего времени не было: слишком уж незарачной и незначительной личностью он всем казался. Зато за океаном его биографию знают довольно хорошо. Вот, например, что рассказывает о начале карьеры г-на Пинэ американский журнал «Нью-Йорк таймс магэзин».

Потомственный «средний буржуа», Антуан Пинэ начал самостоятельную жизнь в качестве преуспевающего наследника своего папаша — фабриканта соловяных шпалец. Однако баснословные доходы военных спекулянтов в годы первой мировой войны побуждали Пинэ-сына искать более прибыльное дело: на торговле соловянными шпалецами далеко не уедешь. Вот, например, поставка патронных сумок, военных ремней и солдатских сапог для армии — это куда прибыльней... И г-н Пинэ переключается на кожевенное производство. Он облюбовывает фирму братьев Фулетье в Сен-Шамонне: удачная женитьба на дочери одного из ее владельцев, и вскоре предприимчивый шпальей фабрикант заправляет всеми делами кожевеной фирмы, которая теперь именуется: «Мэзон А. Пинэ, Фулетье э компани»...

Антуан Пинэ достаточно богат и непомерно честолюбив, — у него имеются, таким образом, все качества, необходимые «добропорядочному» буржуазному парламентарии. Он выставил свою кандидатуру в депутаты парламента. Деньги и положение виднейшего промышленника в департамента Луара сыграли свою роль — он был «избран»...

В палате депутатов Пинэ был, пожалуй, одним из самых неприятииных ее членов. Когда на голосование ставился какой-нибудь вопрос, он осторожно глядел глазами на депутатов, занимавшихся склями крайне правых, после чего точно коировал их движения. Косить Пинэ старался незаметно, что, по его мнению, давало ему все основания причислять себя к депутатам, которых называли «независимыми».

Депутат Пинэ иногда осмелывался даже подниматься на парламентскую трибуну. В таких случаях в зале обычно слышалось перешептывание и раздавались проницательные смехи. Господина Пинэ это, однако, не смущало. Он уже ощущал реальные выгоды от лежачего в его кармане депутатского мандата: связь кожевеного фабриканта расширялась, его капиталы заметно округлялись.

Спустя два года, в марте 1938 года, преуспевающий делец перекочевал из Бурбонского в Люксембургский эвуэриу — он стал сенатором. Всем было ясно: г-н Пинэ делает карьеру. Весьма знаменательно, что Антуан Пинэ карабкался все выше по мере того, как Франция все стремительней сввергалась своими продажными правителями в национальную катастрофу...

Симпатии Пинэ были, разумеется, на стороне мюнхенцев. Идеалом политического деятеля для него всегда являлся Пьер-Этьенн Фланден, этот прожженный политикан, принадлежавший к тем кругам французской буржуазии, которые, открыто изменяя национальным интересам Франции, стояли за непосредственной сделкой с гитлеровцами. На стезе предательства с Фланденом мог соперничать разве только Пьер Лаваль...

Политика национальной измены, политика дадале, завалей и фланденов, столь восхитившая Пинэ, принесла свои горькие плоды: 22 июня 1940 года «третья республика» перестала существовать как независимое государство. Париж из столицы Франции превратился в резиденцию гитлеровского гауляйтера Отто Абеца, а французские марьянцы Гитлера во главе с Петаном обосновались на курорте Виши...

У господина Пинэ падение Франции не вызвало особых эмоций: он считал себя выше патриотизма — он был капиталистом. К тому же никогда еще Антуан Пинэ не представлялся такая поистине блестящая возможность войти, наконец, в те «высшие» круги, куда он всегда стремился проникнуть.

10 июля 1940 года сенатор Пинэ участвует в фарсе голосования по вопросу о передаче «власти» гитлеровскому ставленнику Петэну. Конечно, он голосует «за». Вскоре Пьер-Этьенн Фланден напоминает об этом «правителю» Виши. Петэн милостиво вознаграждает предателя господина Пинэ, назначив его членом «национального совета» при своей собственной особе. Так Антуан Пинэ официально вошел в число «мояльчиков Франции».

Торжествующая улыбка не сходит теперь с плоского невыразительного лица новобитогого петэновского «советника». Его наутлая физиономия все чаще мелькает на страницах коллаборационистских газет в непосредственном союестве с фашистскими правителями Франции. Госпо-

А. КУРОВ

...нет миллионов цены на кожу повысилась почти на 800 процентов! Доходы кожевенных фабрикантов, а следовательно, и самого владельца фирмы «Мэзон А. Пинэ, Фулетье э компани» соответственно возросли.

Самое смешное, что Антуан Пинэ продолжает называть себя «независимым». Теперь ему, правда, уже нет необходимости осторожно косить глазами на склямы правых, как в 1936 году. Пинэ одарен «собачьим нюхом»: он прекрасно улавливает, откуда дует ветер... В 1951 году он управляет в Соединенных Штатах в качестве представителя Франции на так называемой международной конференции по вопросам гражданской авиации. Французский «министр-бизнесмен» (так любовно именует его реакционная американская пресса) быстро нашел общий язык с вашингтонскими боссами. Он поклялся США, как писал американские газеты, убежденный «в жизненно важном значении Атлантического пакта»... Бывший лакей Гитлера делается усердным прислушником Вашингтона.

Вместе со своими коллегами по американской службе Пинэ голосует в эвуэриу прошлого года за принятие гибельного для Франции «плана Шумана», а 19 февраля этого года — за создание «европейской армии», под прикрытием которой из-за Рейна снова нависает над Францией железный кулак гитлеровских вермахта...

Настал 1945 год. После разбора его дела в суде чести Пинэ использовал все свои связи, стараясь добиться отмены вынесенного решения. Он притроился пустить в ход некоторые сохранившиеся у него документы... Опубликование их могло бы доставить крупные неприятности кое-кому из бывших коллег г-на Пинэ, уже пристроившихся к власти во Франции после изгнания гитлеровских захватчиков. В конце

Рис. Бор. ЕФИМОВА

лондон Антуан Пинэ был официально «сопранан».

Ему пришлось все же... уплатить штраф. Но уже не по политическому, а по уголовному обвинению: за укравание доходов от налогообложения. Владелец фирмы «Мэзон А. Пинэ, Фулетье э компани», кожевеного, дубляного и прочих заводов не стал торговаться: он сполна внес требуемому суму, чтобы поскорей избавиться от леша, неожиданно возникших на его пути.

Теперь на улицах Парижа вместо грознокозеных кителей гитлеровских офицеров навязчиво мелькают «хакки» американских «союзников», которые не торопились, видимо, покидать берега Франции. Прирак новой оккупации надынулись на французскую землю. А перед г-ном Пинэ возникли блестящие перспективы: продолжения столь грубо прерванной карьеры Гитлера и Петана карьеры предателя родины...

Пинэ вновь появился в Бурбонском эвуэриу в 1946 году. У него в кармане опять депутатский мандат, но теперь честолюбивый кожевеной фабрикант мечтает о министерском портфеле. Как и прежде, его карьера становится все более успешной по мере того, как продажные правители, на сей раз закупленные американцами, толкают Францию в пропасть новой национальной катастрофы. Благополучие господина Пинэ и независимость Франции — вещи, по видимому, несовместимые...

В 1948 году премьер Анри Кэй, старый приятель Пьера-Этьена Фландена, вручил Пинэ портфель статс-секретаря по вопросам экономики. За этим выдвиганием опять стоял Фланден, официально воссоздавший к этому времени профашистскую группу своих сторонников под громким названием «демократический альянс». Фланден становится председателем, а господин Пинэ, естественно, вице-председателем этого альянса предателей. А в июле 1950 года Антуан Пинэ, наконец, дождался до поста министра — агент банка Моргана во Франции Рене Плевен включил его в состав своего кабинета в качестве министра общественных работ.

С тех пор Пинэ входит поочередно в кабинеты Кая, Бидо, Форэ... Не забывает, однако, г-н Пинэ о том, что он — вице-президент федерации предпринимателей кожевеной промышленности. Только за несколько месяцев его пребывания в каби-

...нито европейской армии и о заключении гарантийных соглашений могут быть завершены теперь в ближайшем будущем». Бонапские реваншисты удовлетворено потирали руки — на выученки Пьера-Этьена Фландена они могут положиться...

Однако все честные люди, все патриоты Франции тоже хорошо знали цену новому премьеру. В статье «Эксперимент Журнале» опубликованной в прогрессивном журнале «Демокраси нувель», секретарь ДГ Французской коммунистической партии Жак Дюкло так охарактеризовал кабинет Пинэ: «...С момента освобождения Франция не знала правительства более свирепого по своей реакционной политике. Прошло не слишком много времени, и господии Пинэ и его министры полностью оправдали эту убийственную характеристику».

Патологическая ненависть к народным массам, готовность любыми, самыми беззаконными, самыми бесчестными средствами подавлять демократическое движение — именно эти свойства господина Пинэ и вызывают расположение к нему заокеанских боссов. В Вашингтоне хорошо известна «деятельность» Антуана Пинэ во времена немецко-фашистской оккупации Франции, и тот знает, что этот господин готов исполнить любые приказы...

И приказы из Вашингтона не замедлили последовать. Именно там был разработан во всех подробностях провокационный план наступления на демократические силы Франции под предлогом борьбы с мнимым «коммунистическим заговором». Этот план и проводит сейчас в жизнь правительство Пинэ.

Для получения инструкции в США был вызван префект парижской полиции Белло. Примерно в двадцати числах мая он вернулся в Париж. В это же время резиденцию премьер-министра — парижский отель «Матинью» — посетили крупнейшие капиталисты, в том числе президент Французского банка Баумгартер и президент федерации предпринимателей Франции Вилье. Затем состоялась встреча господина Пинэ с американским послом. Велась длительная подготовка фашистской провокации против народа Франции и его лучших сынов — бордов за мир и национальную независимость.

То, что произошло далее, хорошо известно. 28 мая, в день, когда трудящиеся Парижа протестовали против приезда нового американского гаулейтера, генерал-гучми Риджуэа, олицетворяющего политику фашизма и войны, полиция господина Пинэ учинила расправу над демонстрантами. На площади, которую народ Франции любовно назвал именем Сталинграда, охранники господина Пинэ пролили рабочую кровь...

Выполняя приказ своих хозяев, предатель, коллаборационист и преступник пожатителей войны осмелился поднять руку на Жака Дюкло.

Этого народ Франции никогда не простит господину Пинэ!

Совершая свои кровавые дела, г-н Пинэ явно рассчитывает на то, что его «шпалки» будут забыты. Г-на Пинэ ободрает при этом «опыт» 1945 года, когда с помощью пантажа и подкупов ему удалось добиться отмены приговора суда чести. Но г-н Пинэ не учитывает того, что во Франции, кроме буржуазного суда, существует также неподкупный суд народа.

Об этом ему напомнил муниципальный совет французского городка Орауд-сюр-Глана, уничтожение которого доставило в свое время столько наслаждения фашистским хозяевам г-на Пинэ. Совет выразил свой решительный протест против предложения прибытия премьеря на церемонию, посвященную памяти расстрелянных фашистами народных героев. Этот гневный протест был еще одной пощечной предателю. Он прозвучал на всю Францию, на весь мир, как суровый приговор суда народа.

Муниципальный совет Орауд-сюр-Глана протестует против присутствия Пинэ на церемонии поминовения памяти жертв Ораудра, принимая во внимание, что Пинэ является бывшим советником Петана;

принимая во внимание, что он возглавляет правительство, перевооружающее гитлеровский вермахт;

принимая во внимание, что он считает возможной оккупацию страны иностранными войсками...

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- А. Куров. — Прошлое и настоящее Антуана Пинэ (1 стр.).
- К. Мурилли. — Дороги на стройке (2 стр.).
- Г. Гуляка. — Мозаика. Рассказ (2 стр.).
- М. Ильин. — Разговор о науке. Заметки писателя (2 стр.).
- И. Слонова. — Почему скачут в зале (3 стр.).
- К. Лаппи. — Грузинские повести и рассказы (3 стр.).
- С. Силаев. — «Слез» Брука Аткинсона (4 стр.).
- С. Маршак. — Распродажа (4 стр.).
- Н. Доризо. — Неделя молчали! (4 стр.).

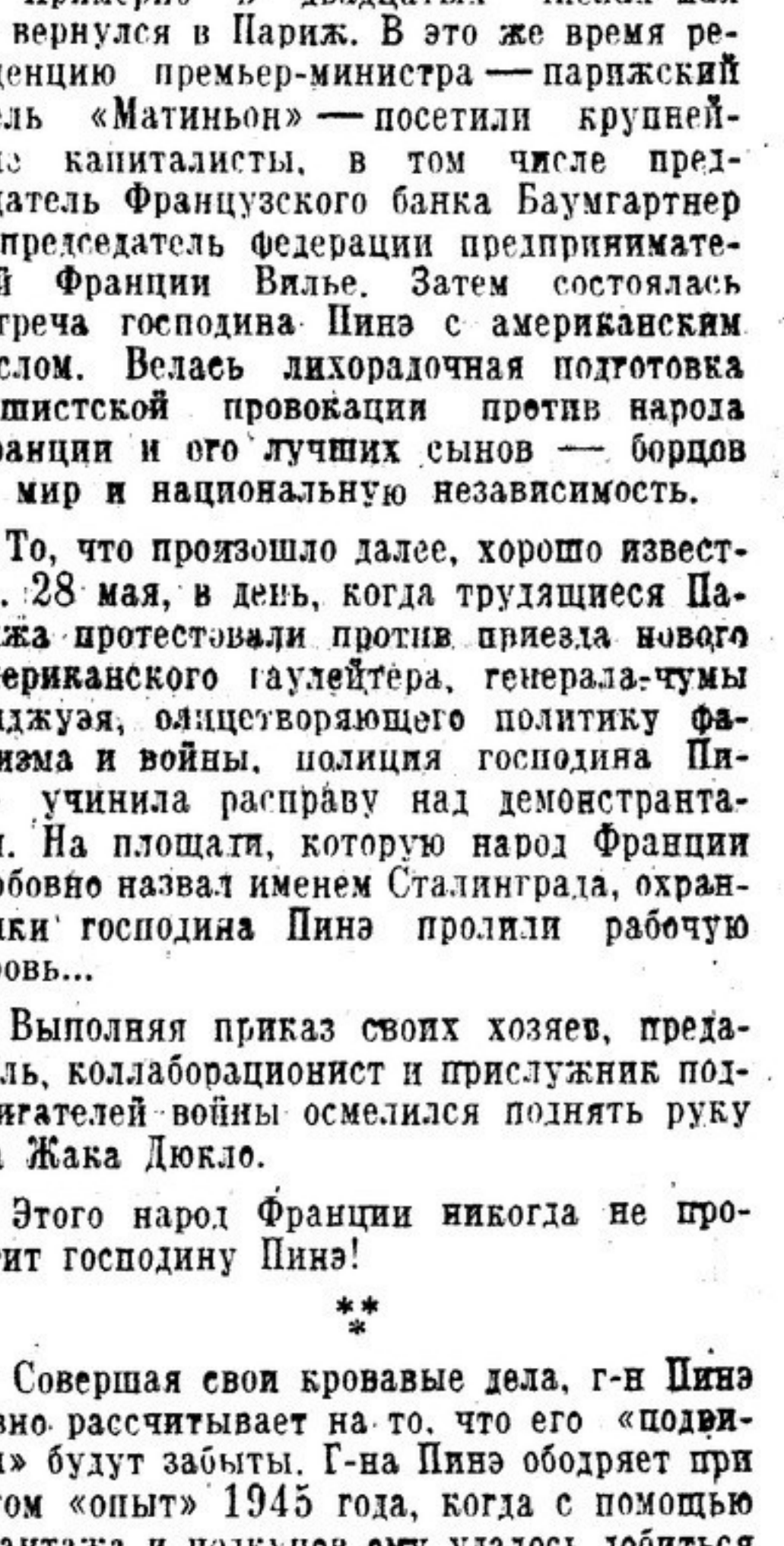
Прошлое и настоящее Антуана Пинэ

...нито миллионов цены на кожу повысилась почти на 800 процентов! Доходы кожевенных фабрикантов, а следовательно, и самого владельца фирмы «Мэзон А. Пинэ, Фулетье э компани» соответственно возросли.

Самое смешное, что Антуан Пинэ продолжает называть себя «независимым». Теперь ему, правда, уже нет необходимости осторожно косить глазами на склямы правых, как в 1936 году. Пинэ одарен «собачьим нюхом»: он прекрасно улавливает, откуда дует ветер... В 1951 году он управляет в Соединенных Штатах в качестве представителя Франции на так называемой международной конференции по вопросам гражданской авиации. Французский «министр-бизнесмен» (так любовно именует его реакционная американская пресса) быстро нашел общий язык с вашингтонскими боссами. Он поклялся США, как писал американские газеты, убежденный «в жизненно важном значении Атлантического пакта»... Бывший лакей Гитлера делается усердным прислушником Вашингтона.

Вместе со своими коллегами по американской службе Пинэ голосует в эвуэриу прошлого года за принятие гибельного для Франции «плана Шумана», а 19 февраля этого года — за создание «европейской армии», под прикрытием которой из-за Рейна снова нависает над Францией железный кулак гитлеровских вермахта...

Настал 1945 год. После разбора его дела в суде чести Пинэ использовал все свои связи, стараясь добиться отмены вынесенного решения. Он притроился пустить в ход некоторые сохранившиеся у него документы... Опубликование их могло бы доставить крупные неприятности кое-кому из бывших коллег г-на Пинэ, уже пристроившихся к власти во Франции после изгнания гитлеровских захватчиков. В конце

лондон Антуан Пинэ был официально «сопранан».

Ему пришлось все же... уплатить штраф. Но уже не по политическому, а по уголовному обвинению: за укравание доходов от налогообложения. Владелец фирмы «Мэзон А. Пинэ, Фулетье э компани», кожевеного, дубляного и прочих заводов не стал торговаться: он сполна внес требуемому суму, чтобы поскорей избавиться от леша, неожиданно возникших на его пути.

Теперь на улицах Парижа вместо грознокозеных кителей гитлеровских офицеров навязчиво мелькают «хакки» американских «союзников», которые не торопились, видимо, покидать берега Франции. Прирак новой оккупации надынулись на французскую землю. А перед г-ном Пинэ возникли блестящие перспективы: продолжения столь грубо прерванной карьеры Гитлера и Петана карьеры предателя родины...

Пинэ вновь появился в Бурбонском эвуэриу в 1946 году. У него в кармане опять депутатский мандат, но теперь честолюбивый кожевеной фабрикант мечтает о министерском портфеле. Как и прежде, его карьера становится все более успешной по мере того, как продажные правители, на сей раз закупленные американцами, толкают Францию в пропасть новой национальной катастрофы. Благополучие господина Пинэ и независимость Франции — вещи, по видимому, несовместимые...

В 1948 году премьер Анри Кэй, старый приятель Пьера-Этьена Фландена, вручил Пинэ портфель статс-секретаря по вопросам экономики. За этим выдвиганием опять стоял Фланден, официально воссоздавший к этому времени профашистскую группу своих сторонников под громким названием «демократический альянс». Фланден становится председателем, а господин Пинэ, естественно, вице-председателем этого альянса предателей. А в июле 1950 года Антуан Пинэ, наконец, дождался до поста министра — агент банка Моргана во Франции Рене Плевен включил его в состав своего кабинета в качестве министра общественных работ.

С тех пор Пинэ входит поочередно в кабинеты Кая, Бидо, Форэ... Не забывает, однако, г-н Пинэ о том, что он — вице-президент федерации предпринимателей кожевеной промышленности. Только за несколько месяцев его пребывания в каби-

УЧИТЕЛЬ! — Если ты не исправился, я заставлю тебя сидеть после уроков до тех пор, пока ты не выучишь наизусть имена министров всех кабинетов Франции за последние пять лет... Рисунок из немецкой газеты «Кинге вальт»

Почему скучают в зале

Актер на сцене — лицо активное, не повисшее или соображающее, а действующее. Актер от латинского слова actio. От этого же корня происходит и «активность». Но если актеру в нашей жизни представлено широкое пространство, то актер на сцене не всегда находится полностью оправдан свое название. Добившись, опробовав, отстаивая, защищая, спастись, бороться — вот что хочется ему делать, находясь на сцене, а не скучно рассказывать в одном случае, что твой герой хорошая, а в другом — что она плохая. Ведь как добросовестно он проводит эту операцию, раз не выполняет активной задачи, действие останавливается, и зритель начинает скучать. Как невольно в последнем акте переживает, если единственным мотивом этого является желание спохватывающегося автора сделать всех счастливыми.

В спектакле «Их было трое» (пьеса В. Масса и М. Червинского), исполняя роль французской художницы Сюзанны, я не имела возможности открыть перед зрителем течение ее внутренней жизни; авторы заменили его распылением и туманными высказываниями героини о своем понимании искусства («Это ощущение художника... Это надо чувствовать...» — объясняет она Антуану в первом же действии).

А кто такой Антуан? Предполагается, что ее друг. Откуда же это видно? Люди не встречаются с начала войны и при первом свидании не нашли друг для друга ни одного теплого слова. Из этого диалога зритель высматривает только, что Антуан — инженер, а Сюзанна — художница и что они по-разному смотрят на искусство. А какие у них взаимоотношения? Почему он пришел к ней, а не к кому-либо другому? Что их связывает или связывало? Ничего не известно.

Все как все-таки удавалось внушить зрителю, что Сюзанна феминистка и женщина аполитичная (застаю, она прямо так и говорила: «Не хочу политик»). А в конце пьесы Сюзанна, почти не участвовавшая в развитии действия, вдруг прозревает, передергивает по воле авторов за кулисами. С освещенной прожекторами труппы она произносит патристический монолог с приятным обобщением в борьбе за мир. Чтобы как-нибудь объяснить неслучайность ее поведения, в уста Сюзанны вливается рассказ о предательском убийстве Антуана. Но зритель видел, как происходило это убийство. Зачем ему в следующем акте опять слушать рассказ об этом? Вот если бы Сюзанна была введена в действие, если бы она, как и зритель, видела убитого Антуана (по сюжету это сделать было не только возможно, но просто необходимо), зритель, запомнив впечатление, которое произвело на Сюзанну это убийство, возможно, стал бы ее поведение в конце пьесы более оправданным.

Охраня авторитет положительного героя, некоторые авторы считают зазорным наделить его какой-либо чертой, которая может вызвать хоть добродушную, но все-таки улыбку. И ходит такой герой, плоский и бесцветный, не задавая своей судьбой ни сердца зрителя, ни его ума.

Не оттого ли в пьесе «Свядоба о приданном» образ секретаря партийной организации оказался самым невыразительным? Не случайно, что рецензировавший эту пьесу в постановке разных театров, критики отмечали успех разных исполнителей в тех или иных ролях, и только эта роль не удалась ни одному актеру.

Случается также видеть, что отрицательный образ не раскрыт автором до конца, словно из боязни, что он заслонит положительного героя.

Белинский пишет: «Истинным художником равно удаются типы и герои и порождениям людей; когда мы находим в романе удачными только типы героев и удачными типами порождений людей, это явный знак, что или автор взялся не за свое дело, вышел из своих средств, из пределов своего таланта, и следовательно, погрешил против основных законов искусства, то есть выдумывал, писал и натягивал риторически там, где надо было творить; или что он без всякой нужды, вопреки внутреннему смыслу своего произведения, только по внешнему требованию морали, ввел в свой роман эти лица, и следовательно, опять погрешил против основных законов искусства».

Полное подтверждение этого положения мы находим в высоких образцах советской драматургии. «Любовь Яровая» К. Тренева, например, блещет великолепными, как положительные, так и отрицательными образами.

Жизненная достоверность, острота конфликта, законность в обрисовке как положительных, так и отрицательных героев характерны для лучших пьес В. Романова, Я. Леонова, Б. Лавренева, А. Корнейчука, Н. Погодина.

Действующие лица в ряде произведений при столкновении их различных точек зрения на решение вопросов производства почему-то уходят из дома: муж от жены, жена от мужа, жених от невесты; а в комедии «В Лебяжьем» сын, не приехав к соглашению с отцом по поводу объединения колхозов, ищет комнату, решил уехать из родительского дома. Что за охота к перемещению? Ничего настолько преступного не совершают в этих пьесах люди, чтобы не отбавилось возможности жить с ними под одной крышей... У жены неверная точка зрения? Сумей доказать ей свою правоту. У мужа эгоистические побуждения? Борись с этим в полную силу своих возможностей. Он отстает, опускается? Помоги ему подняться, найди способ заставить его пересмотреть свое поведение, отыщи средство, как повлиять на него.

Ведь это и есть тот процесс борьбы, за которым интересно следить в театре. Самое простое — развести людей по разным квартирам и аннулировать возможности непрерывного воздействия друг на друга. Покинуть любимого человека нелегко, но уйти, слова вернуться к нему, пожалуй, еще труднее. Разводи во втором акте и примирения в третьем не дают зрители уверенность, что действующие лица поступают с полной ответственностью и при этом осложнении не сделают того же, что и раньше.

Во избежание конфликта до высшей точки, не уточнив причины и виновника, авторы спешают к благополучной развязке.

Женские характеры разнообразны не менее мужских, да еще вдобавок наделяются чистотой женским своеобразием, и просто удивительно, если не больше, почему наши авторы относятся к ним с таким, мягко выражаясь, невниманием. Пьес в театре идет считанное количество, но пишут их много. В поисках хорошей пьесы приходится читать большое количество произведений, и оказывается, что в большинстве случаев женские роли выписаны нарочито схематично.

Например, что сказать о «возрастном пензе»? В ряде прочитанных комедий дело обстоит так: Люба, или Катя, или Малия — девушка 18 лет — безусловная героиня, образ положительный во всех отношениях. Даша, или Маша, или Гаина, ее подруга, создана для сценического оживления, образ положительный, но совершенно мелкие описки. Иногда встречаются женщины лет 45 (эпизод, не больше) — персонаж отрицательный или комедийный, по преимуществу.

ство, говорит глухости. И, наконец; бабушка или тетька (возможны варианты); возраст 60—70 и выше; персонаж положительный.

На деле, когда заходишь в учреждения, научно-исследовательские институты, больницы, редакции и т. д., видишь, что ответственные посты занимают женщины в возрасте от 30 до 50 лет. В старом, беспредельном для женщины время ее удел был: любовь, замужество, часто неудавшееся, а в 30 лет на ее доле оставались, главным образом, воспоминания. Советская власть продала женский век. У наших женщин 30—50 лет — творческий расцвет, они — инициативные новаторы, опытные руководители, зрелые ученые, деятельные строители коммунистического общества.

Это характерное для нашей жизни явление обходит драматургии. Женщины среднего возраста они чаще всего игнорируют.

Иногда наши современники, попадая на сцену, оказываются в неловком положении. Так обещала, например, автор комедии «В Лебяжьем» с молодым врачом Жарковым. Бригадир тракторной бригады Павел приходил к ней на прием; она видела, что у него открылась рана, полученная на фронте, и даже сама обрабатывала ее. И вот с невестой Павла она делится своими соображениями: «Его надо бы положить здесь в стационар или отправить в город, сделать переливание крови. Но он все в поле и в поле...»

Что же дело убрать его с поля, как не се? Право и обязанность врача — запретить больному работать. Жаркова не использовалась этим правом, чтобы предотвратить операцию. Как не похоже это на советского врача!

Автор хотел заставить зрителя опасаться за жизнь Павла, волноваться за исход операции. И хотя Озеров очень здраво рассуждал, говоря: «Подумайте, герой какой, — в поле больному работать», — все-таки автор предпринимал противоположного мнения, именно таким способом решив показать самоотверженное отношение Павла к труду, хотя и липнул тем самым другой персонаж — врач Жаркову — возможности выигнать свой долг.

Ситуация не совсем правдоподобная и, пожалуй, более подходит для мелодрамы, чем для комедии. А наряду с этим многие явления жизни, требующие комедийного и сатирического разрешения, не попадают в сферу творчества комедиографов.

У актера накаливается омут: он многое подметил, высмотрел, запомнил. Но как ему это реализовать? Неясность жанра, смазанные характеры, отсутствие столкновения снижают актерскую технику, не требуют от актеров острых решений, не заставляют искать в образе точности, яркости, многообразия.

Общественность своевременно обратила внимание на необходимость конфликта в драматургии, но важно, чтобы суть этого требования была всеми правильно понята. Если бы специальные специалисты по разработке головкружковых пьесы. Иногда интересно посмотреть и «На той стороне» и «Тайную войну», но будет неверно, если конфликтность будет отождествлена с авантюризмом и исключительной в такого типа пьесам начнут стремиться наши театры.

Конфликт не есть авантюризм-занимательная интрига. Конфликт может быть с врагом, а может быть и с другом и даже с самим собой. Прямые раскрытия таких конфликтов различны.

Все жанры имеют право на существование, если они не искажают действительности. Пусть только уйдут со сцены жожь и скука.

ЖУРНАЛЫ В ИЮЛЕ

«РАССКАЗ О ТУРЦИИ»

Так называется пьеса Назыма Хикмета, которая публикуется в № 7 журнала «Звезда». Она посвящена движению сторонников мира, борьбе турецкого народа против превращения страны в американскую колонию. Пьеса «Рассказ о Турции» принята к постановке в Театре имени Моссовета.

В журнале печатается также вторая книга романа С. Воронина «На своей земле», посвященного колхозникам Карельского перешейка, строящим жилищную и культурную жизнь на освобожденной земле. Советскому турбостроению, сегодняшним делам работников Ленинградского металлургического завода имени И. В. Сталина посвящен большой очерк А. Садовского.

В номере публикуются: цикл стихов И. Абашидзе «Песня жатвы» в переводе П. Гребнева; статья профессора И. Исакова «Адмирал Нахимов» в связи с 150-летием со дня рождения знаменитого флотоводца; в разделе критики: статья М. Кузнецова «Певец латышского народа» — о В. Ладисе, и А. Туркова «Старое, но грозное оружие» — о баясах.

НОВЫЙ РОМАН В. ГРОССМАНА

В июльском номере журнала «Новый мир» начинается печататься первая книга романа В. Гроссмана «За правое дело». Герой произведения — советские люди в годы Великой Отечественной войны. В центре событий — Сталинградская битва.

В номере публикуются: цикл стихов И. Абашидзе «Песня жатвы» в переводе П. Гребнева; статья профессора И. Исакова «Адмирал Нахимов» в связи с 150-летием со дня рождения знаменитого флотоводца; в разделе критики: статья М. Кузнецова «Певец латышского народа» — о В. Ладисе, и А. Туркова «Старое, но грозное оружие» — о баясах.

В ЖУРНАЛЕ «ЗНАМЯ»

Подписчики «Знамени» прочтут в сельской книге журнала пьесу современного китайского писателя Ху-Ка «Они выросли в боях». Автор рассказывает об освободительной борьбе китайского народа за независимость и свободу своей родины. Журнал печатает начало романа В. Кетанский о ленинградцах «Дни нашей жизни». Новый цикл стихов «Весна на родине» публикует Г. Леонидзе. М. Алавергян выступает с критическим циклом стихов, посвященных П. Павленко.

СТИХИ В «ОКТЯБРЕ»

В июльской книге «Октябрь» печатается роман Ю. Лаптева «Путь открыт», героями которого являются железнодорожники. В отделе поэзии читатели знакомятся с произведениями молодых поэтов М. Сидоренко и А. Никифорова и циклом стихов бурят-монгольских поэтов Ц. Жимбенов, Ж. Тумунова, Ц. Цыренпэллова и Ч. Цыдендамбаева.

Раздел критики посвящен преимущественно вопросам детской литературы. Здесь будут напечатаны статьи на эту тему С. Михалкова, Н. Грибачева, А. Акимовой, М. Эфрос и др.

ПОВЕСТЬ УКРАИНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

«Коварное оружие» — повесть украинского писателя С. Белияса — печатается в июльском номере журнала «Днипро». Автор рассказывает о героическом подвиге ученых-человекоуков, использовавших научные достижения для умирощивания мирных людей.

В «Днипро» печатаются: рассказ молодого прозаика А. Сизоненко «Асфальтовый шпатель», новые стихи С. Воскресенко, А. Науменко, А. Попова, статьи А. Михалева, Д. Ковалева, Б. Чайковского, В. Пьянова, рецензия на новые книги и др.

СЕДЬМАЯ КНИГА «КАРОГС»

Большое место в журнале «Карогс» (Рига) отведено белорусской литературе. Латышские читатели знакомятся с рассказом белорусского писателя В. Кравиченко «Песня над полем», стихами Янки Купалы, П. Бровки, А. Острейки. Памяти народного поэта Беларуси Я. Купалы посвящена статья А. Вясян.

В книге печатаются продолжение романа Ж. Гривы «Дорога жизни», очерк латвийского писателя А. Талина о строительстве Волго-Дона, пьеса С. Лискера «Дорогое время», премиярованная на прошедшем недавно в Латвии конкурсе одноактных пьес. С новыми стихами выступают латышские поэты П. Сис, Ц. Диньера, Б. Саулнис. В разделе критики — статья А. Озол о состоянии латвийской кинодраматургии.

Корей борется. Повесть, рассказы, очерки. Перевод с корейского. Издательство иностранной литературы, 156 стр.

Коптелов А. Великое кочевье. Роман. Исправленное и дополненное издание. «Советский писатель», 484 стр.

Корень борется. Повесть, рассказы, очерки. Перевод с корейского. Издательство иностранной литературы, 156 стр.

Лисовский К. Солнце над Курейкой. Стихи. «Молодая гвардия», 100 стр.

Надь Ш. Примирение. Рассказ. Перевод с венгерского Ю. Шинимона. (Библиотека «Огонек»). «Правда», 32 стр.

Погосян Р. Во имя мира. Стихи. Перевод с армянского. Ереван. Айпетра, 99 стр.

Романов М. Огненные. Повесть. «Молодая гвардия», 256 стр.

Студент-дипломант Московского художественного института имени В. И. Сурикова Академии художеств СССР Е. И. Сананов работает над картиной «Ночь Катэгору». Фото Э. ЕВЕРИНКИНА.

ЗАМЕТКИ О КНИЖКАХ

Пушкин в Нижегородском крае

С Нижегородским краем связаны яркие страницы жизни и творчества Александра Сергеевича Пушкина. В Нижегородском крае было создано много замечательных произведений, как «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», «Медный всадник» и многие другие. Знаменитые бодюльские описания, в особенности осень 1830 года, по своей плодотворности — исключительный пример в русской и мировой литературе. Владыки от ненавистного ему придворного общества, в общении с русским народом черпал поэт силы для новых творческих свершений. Здесь все говорило о вольнолюбии, мужестве русского народа. В памятную эпоху 1773—1775 годов Нижегородская губерния (в том числе и село Бодюлье) была обята пламенем пугачевского восстания. В пределах Нижегородской губернии поэт записывал первые устные рассказы об этом грозном времени, да и самую «Историю Пугачева» он закончил в бодюльскую осень 1833 года.

Местные царские стражи не были заинтересованы в распространении вольнолюбивых произведений Пушкина среди народа. Скупно отмечались пушкинские годовщины. В кратких заметках, помещаемых в нижегородских газетах, облик поэта нередко искажался.

В 90-х годах М. Горький, сотрудничая в «Нижегородском листке», сделал многое, чтобы показать народу подлинного Пушкина.

Советский народ окружил имя Пушкина любовью и уважением. Едва ли найдется

А. Еремич. Пушкин в Нижегородском крае. Горьковский областное издательство, 1951 г. 275 стр.

НОВЫЕ КНИГИ

Демьянов И. У синих рек. Стихи. Ленинград, 72 стр.

Капушкин С. Здравствуйте, друзья. Стихи. Перевод с армянского. Ереван. Айпетра, 160 стр.

Коптелов А. Великое кочевье. Роман. Исправленное и дополненное издание. «Советский писатель», 484 стр.

Корень борется. Повесть, рассказы, очерки. Перевод с корейского. Издательство иностранной литературы, 156 стр.

Лисовский К. Солнце над Курейкой. Стихи. «Молодая гвардия», 100 стр.

Надь Ш. Примирение. Рассказ. Перевод с венгерского Ю. Шинимона. (Библиотека «Огонек»). «Правда», 32 стр.

Погосян Р. Во имя мира. Стихи. Перевод с армянского. Ереван. Айпетра, 99 стр.

Романов М. Огненные. Повесть. «Молодая гвардия», 256 стр.

Российский Н. Труд и мир. Записки лауреата Сталинской премии, депутата Верховного Совета СССР, старшего мастера цеха микрометров завода «Калибр». Профилакт, 144 стр.

Сеидбеков Г. У нас в Астаре. Повесть. Перевод с азербайджанского М. Юфит. «Молодая гвардия», 290 стр.

Сергеев-Ценский С. Утренний зарю. Роман. Самбополье. Киевиздат, 152 стр.

Тиминин В. Больная Сибирь. Роман. Иркутск. Облакитат, 328 стр.

Улит А. Рассказы. Перевод с латышского. Рига. Латгосиздат, 368 стр.

Яновский А. На подступах к городу. Из рассказов об Орловской битве. Орел. Издательство «Орловская правда», 196 стр.

К. ЛАПИН Грузинские повести и рассказы

В 1892 году в Гори публично казнили двух крестьян. Очевидцами казни были юный Сталин, учившийся в то время в Горьком духовном училище, и молодой Горький, побывавший тогда в Гори. Этот исторический эпизод лег в основу «Горьской повести» Константина Лордкипанидзе, которая вошла в сборник избранных грузинских повестей и рассказов. Небольшая поэтическая новелла отлично передает эпоху, и характеры людей, и живописную природу Грузии.

Публикация казни крестьянина Хубулури и его подруги Гате Джювильши, отомстивших за надругательство князя над невестой Хубулури, — не случайный эпизод. В конце прошлого века продолжалось падение грузинского крестьянства, еще более вырос провозов князей и царских ставропов. В народе созрело сознание необходимости борьбы с произволом, на первых порах проявившейся в вспышках местных, индивидуальных бунтарских актов.

Многие произведения сборника кончатся трагически — герои гибнут в неравной борьбе с коварным врагом. Но не смерти эти, а вера в человека, в его силу, протест против насилия и произвола, борьба за лучшее будущее — вот что составляет главное содержание сборника. И это обобщает рассказы и повести книги с произведениями передовой русской литературы.

На пороге девятнадцатого века грузинская литература, не теряя своего национального своеобразия, теснее сблизжается с русской культурой, плодотворно используя ее богатые традиции. Первый грузинский писатель-революционер Д. Чонкадзе, изводящий произведения великих русских революционных демократов Белинского, Герцена, Звягина, высоко ценил в литературе звание простого человека, активно протестовал своим творчеством против всякого произвола помещиков-крепостников.

Повестью Д. Чонкадзе «Сурамская крепость», впервые появившейся в печати сто лет назад, открываются сборник. Лучшим романтическим традициям обязана самая форма этого произведения: несколько юношей — жителей Тбилиси, собиравшиеся однажды вечером за городом, рассказывают историю гибели одной семьи. Условья романтически обобщены портреты героев

повести, в духе романтических традиций написан ее конец с заливом замурованным в стену строящейся сурамской крепости невинным юношей Зурабом.

Элементы реализма проявились в том, что автор вывел главными героями повести людей из народа, в гневном протесте писателя против подавления человеческой личности, в разоблачении им козней родовитых злодеев и духовности. Неудивительно, что первая грузинская социальная повесть сразу привлекла к себе внимание читателей, стала любимым произведением народа, вызвав в то же время травлю автора со стороны реакционного дворянства.

Расцвет реализма в грузинской литературе начинается со второй половины XIX века, когда появляются произведения И. Чавчавадзе, Важа Пшавелы, Э. Ниношвили, Д. Кладашвили и других мастеров критического реализма.

Составительница сборника «Грузинские повести и рассказы» Ф. Твалладзе не случайно отобрала из богатого творчества великого грузинского писателя-реалиста и крупного общественного деятеля своего времени И. Чавчавадзе повесть «У виселицы». На судьбе конкретных людей — двух мальчиков-орфан, ставших преступниками, автор показывает, как общественные условия существования формируют тип человека. Ясен и точен язык Чавчавадзе, реалистичны портреты героев, например образ старшего арбащика Петре, через который автор высказывает свои мысли об обществе, где человек человеку — волк. Последователь Чернышевского, И. Чавчавадзе строит свое произведение на принципах реализмического, демократического искусства.

В том же реализмическом плане, но с большим сатирическим оттенком строит свое произведение грузинский писатель-сатирик Лавид Кладашвили. Нельзя без смеха следить за злоключениями бедного дворянского сына Платона Саманишвили, решившего женить своего отца на двудесятилетней женщине, у которой никогда не было детей («Мачеха Саманишвили»). Платон боится, что если у его отца появится еще один сын — придется делить жалкий участок земли и дом с братом.

Муж сестры Платона, пьяница и бездельник Кириэ, и другой гуляка, Аросто, желающий претворить свою двадцать вдовую тетеньку, помогают ему. В доме Саманишвили появляется новая хозяйка, мачеха Платона. Это хорошая женщина, Платон с женой трогательно ухаживают за ней. Но вся эта семейная идиллия кончается, когда Платон узнает о беременности мачехи. И смех и утасет, когда увидит, как добрый, покорный сын, неплохой, какалется бы, человек и семьянин, превращается в зверя. В ослеплении Платон набрасывается на бедную мачеху, избивает ее, моря уходить в живот.

Д. Кладашвили, знакомый с творчеством М. Горького, восхищавшийся в частности, языком его пьес, прекрасно владеет искусством речевой характеристики своих героев. Диалог писателя динамичен, психологически точен и неповторим: это чувствуешь даже в переводе. Поэтому рассказы и комедии Д. Кладашвили до сих пор пользуются большим успехом в Грузии; имена некоторых героев его произведений стали нарицательными.

В рассказе Э. Ниношвили «Мое, сельский писарь» писатель ярко показывает классовое расслоение деревни, разорение крестьянства. Ловкий делец Мосе, пользуясь темной и невежеством бедняков, ловко использует вековые раздоры соседей из-за клочка земли, не останавливается перед тем, чтобы погубить целое семейство из-за пятидесяти рубей.

Скупы, реалистически точны детали рассказа. В жаркий день крестьяне жмут у дома сельского присутствия важного писаря. Мосе еще не появился, но из разговоров протискивая читатель уже представляет себе, что это за человек. Но вот Мосе подъехал, в ответ на почтительные поклонники крестьян он небрежно прикладывает кончик сложенной вдвое нагайки к козырьку своей фуражки — и живая фигура наглет и прохвоста встает перед нами. Кокетливо выкидывает ноги писарь, совершив очередной подлог или беззаконие, иная походка у Мосе. Когда он озвобочен...

Сила реалистического обобщения сделала Мосе типом ловкого и наглого хищника, появившегося в пореформенной грузинской деревне. Типичны и образы крестьян, которых выводит писатель.

Творчество Нико Лордкипанидзе, одного из старейших советских писателей Грузии, представлено в сборнике единственной по-

веллой «На свидании», написанной им в 1912 году. Крестьянин Эвтимэ, взывший в жены женщину, которая любила другого, через много лет семейной жизни расправляется со своим «соперником». Мастерски построен сюжет этой небольшой повести. И не случайно история Эвтимэ показана через восприятие его сына, принесшего отцу-арестанту за паузу подарок — помянутую им птичку. Читатель и без авторских объяснений понимает: когда этот мальчик станет мужчиной, вопросы любви уже не будут решать при помощи ножа.

Плодотворно продолжает демократические традиции классиков грузинской литературы Лео Киацели. Киацели — мастер монументальной живописи словом, его герои — податки горам, среди которых проходит их жизнь.

Свяно-богатырь Алмастор Кибулан вместе с сыном Гивергилем и другими свами сплавляет лес по быстрой горной реке Ингури (рассказ «Алмастор Кибулан»). Но вот посреди течения из пущины возник утес, почти до вершины его возмоздился бревно, образовав гигантский затвор.

Хозяин лесз был обязан взорвать этот утес, теперь подрядчик Каузе Пиния, заинтересованный в быстрой доставке бревен, предлагает денег сметлячку, который решится на явное самоуправство: нужно пробиться на утес и накнуть веревочную петлю на нижнее бревно. Гивергил, несмотря на протесты отца, добирается по бревну до утеса, наживает петлю на бревно. Но происходит несчастие.

«С грохотом стала рушиться башня из бревен. Слово гигантские стрелы, пушенные с сокрушающей силой, полетели, высоко подскочивая в воздухе, бревна. Они нырнули обратно в воду, и утасамющим треском отпалывая дьявольскую пласку. Это был настоящий поток из бревен, — в теснине стало еще темнее».

Юнона Гивергил, малая песчинка в будущем потоке, тонет, раздавленная бревнами. «— Возьми свои деньги, верни мне сына! — умоляет старый сван подрядчика и руками, похожими на корни дуба, трясет Пиния до тех пор, пока в его руках не останется наугадный труп».

Сильной, уверенной кистью написал этот рассказ — читатель, кажется, слышит грохот горного потока, слышит проклятия и рыдания отца, потерявшего от горя рассудок. Но изображение отцовской любви и горя заслонило социальный мотив,

который мог бы прозвучать яростнее в рассказе советского писателя.

«Растет сознание людей, от личной мести и бунтарских выходов приходит лучшие органы народа к пониманию необходимости организованной борьбы за свои права. По-новому осмыслена жизнь и деятельность героев «Подпольной типографии» Я. Лисавили. Это — отрывок из известного романа «Лавд Кецоветели».

«Подпольной типографии» действуют простые люди, грузинские трудящиеся, которые все свои чувства и самую жизнь свою посвятили общему делу — делу революции. Грузинские подпольщики: Лавд Кецоветели, его младший брат Ваню, печатники Гюгюа, Сико и другие, русский революционер Красин выпускают первый номер подпольной газеты «Возрождение» («Ворбула»). Переводку статью в этом номере написал товарищ Сталин. Ленин в Россия знает о деятельности грузинских революционеров».

Другое произведение Я. Лисавили, вошедшее в сборник, — рассказ «Идол» — посвящено разоблачению самодержавности теневых идолов. Настоящим идолом является односторонним генио бравый, злобующий индивидуальный Исана, который не хочет идти в колхоз, где уже работают его дети, куда вступила даже старая жена Исана. Реалистически написан образ самодура, притесняющего своих домашних, имеющего на все один готовый ответ: «Не хочу, а братцы вы мои, не хочу!»

В рассказе самого молодого автора сборника, 26-летнего Тениза Гоголадзе, «Заря поднялась над Гаркулой» показан сегодняшний день республике. Старый Барна не хочет работать в колхозе не потому, что он против методов коллективного хозяйства, ему не нравится неравный председатель колхоза Тедо, разваливший работу. Но Барна отстает и Гаркуде, зная, как бороться за работу новый председатель колхоза Ваню, партир Шакро, бригадир Макаела и другие колхозники.

Всем, кажется, хорош молодой Зураб, он герой-фронтник, и собой видный, и ленив поэт. Но Зураб не хочет работать в колхозе. Агроном Пугача, приехавшая из города, стыдится дружить с ним, несмотря на то, что юнона ей нравится.

Верно намечен конфликт, который мог бы возникнуть, автор, однако, недостаточно глубоко и убедительно разработал его. Читатель охотно верит, что Зураб перемены, но происходит это быстро, чуть ли

не за одну ночь, после того, как на собрании «проработали» лодыря. А ведь молодой писатель сумел психологически верно показать перемену в характере Барна.

Т. Гоголадзе следует учиться краткости, логичному построению сюжета, скупой и точной речевой характеристике, психологическому портрету героев у мастеров рассказа, о которых мы говорили выше. И совершенно не нужны ему те устаревшие приемы романтической прозы, которые еще встречается в его рассказе. Вот, например, описание его героини Макаэлы, переводкой девушке колхозного села: «Как лепестки розы, уста любимой, или: «Сразу обрвалась все струны ее сердца».

Сборник в основном составлен удачно, он довольно полно знакомит русского читателя с образцами грузинской прозы. Есть, однако, в книге некоторые проблемы. Так совершенно не представляется творчество крупного грузинского прозаика второй половины XIX века И. Ломоури, нет произведений советского писателя А. Чейнишвили. Не лучшими рассказами представлен А. Белишвили. Нет произведений о рабочем классе, о строительстве, об интеллигенции.

Наглое поведение янки-окупантов, находящихся в Англии, вызывает возмущение британского населения. Недавно в Честере, близ которого расположена военная база США, имели место демонстрации протеста против бесчинств американских солдат. Демонстрацию возглавлял Джон Гибсон, честерский механик, которого жестоко ранили американские летчики однажды избили до потери сознания. НА ФОТО — демонстрация протеста против американской оккупации Англии.

АМЕРИКАНСКИЙ ТЕКСТИЛЬ И ЛАНКАШИРСКИЕ БЕЗРАБОТНЫЕ

На нашем фото снимке изображен ярлык, которым снабжены продающиеся сейчас в Лондоне голубые женские летние платья из хлопчатобумажной ткани. «Американское» — гласит ярлычковая надпись на ярлыке, а ниже, под звездой-полосатой эмблемой, следуют рекламные пояснения: «Это платье сделано из импортированного американского материала... Ирлэнд этот весьма символически. Он символизирует прежде всего долларное рабство, в котором пошла Англия, вынужденная приобретать любые товары, какие прикажет американский барин. Он показывает также, как страна, прославившаяся производством высококачественных тканей, наводняется ныне третьесортным американским тряпьем с благословения правителей, предавших национальные интересы Англии.

С. МАРШАК

РАСПРОДАЖА

Агентство Рейтер сообщает, что в Нью-Йорке продаются на аукционе в Лондоне письма Бернарда Шоу и его другу, артисте П. Кэмпбеллу, 120 писем, написанных собственноручно Б. Шоу, а 14 — на машинке. Письма приобретены по телефону дельцом из Нью-Йорка за 1100 фунтов стерлингов. (Из газет)

Сказать по правде, — хорошо Дельцы не знают, кем был Покойный мистер Бернард Шоу и кто такая Кэмпбелл.

И все же владелец кошелька. Отнюдь не склонный к риску. По телефону с молотка Купил их перепищу.

Вот молоток стучит о стол. Растут на письма цены. На сотни фунтов счет пошел... — Кто больше, дендльтемени?

Пока ведет над Темзой торг Комания спуая, Телеграфирует Нью-Йорк: «Бернарда покупаю».

Побили янки англичан. Побит удвоя цену. И вот идет за океан Посылка к бизнесмену.

И говорит своим друзьям Владелец перепищи: — Вот эти письма сам Вильям Шекспир писал артистке! — Но ведь Шекспир писал пером Гусиным, по старинке? — Писал пером он, а потом Писал и на машинке!..

„Слезы“ Брукса Аткинсона

Заметки американца об американской культуре

Не так давно газета «Нью-Йорк таймс» поместила передовую статью, озаглавленную «Экспорт культуры», в которой горестно оплакивала провал трудновесного плана идеологической войны. «Нью-Йорк таймс» полагает, что для исправления создавшегося положения и достижения интеллектуального господства в Европе и Азии достаточно тратить побольше долларов. Что касается качества экспортируемого товара, то оно не внушает автору передовой никаких опасений. Провозглашая начало нового «наступления культуры», он пишет: «Мы можем гордиться своей бордой, процветающей культурой».

Но всего двумя днями раньше на столбцах этой же газеты появилась статья ее ведущего театрального критика Брукса Аткинсона. Статья носит название «Дела неважны» и написана в довольно мрачных тонах. В отличие от автора, передовой критик по долгу службы посещает все бродвейские премьеры, и ему не так легко радоваться успехам «борды и процветающей» американской культуры. По мнению мистера Аткинсона, текущий сезон проходит под знаком угнетающей бессодержательности и банальности. «Нет ни одной новой пьесы... жалуются они... автор которой показал бы себя настоящим писателем, с яркими идеями, с оригинальными суждениями. (Напомним, что в поле зрения мистера Аткинсона находится только коммерческий театр). Впрочем, это, видимо, относится не к одному лишь текущему сезону, так как дальше в статье речь идет о «катастрофическом периоде в истории театра, затянувшегося на много лет».

Вот как критик характеризует американскую культуру, призванную, по мнению «Нью-Йорк таймс», рассеять тьму невежества в таких «захолустьях», как Париж, Лондон, Рим: «Если бы современный театр действительно вдохновлялся какими-либо идейными или духовными стремлениями, голый расчет не оказался бы в нем решающим. Настоящее живое искусство не может уловить мелочной корысти. Но какая-то вычужденная, таинственная сила словно высосала все живые соки из нашего театра, показала, и других искусств Америки. Никто точно не знает, в чем тут дело. Но не кажется ли, что в той духовной атмосфере, в которой мы теперь живем, истинному художнику-творцу нетем дышать и что господствующая тенденция в искусстве всех видов стала тенденцией покорного равнения на стандарт?»

Люди хотят действовать без риска. Они не решаются говорить то, что думают. Они интеллектуальная и творческая жизнь в стране унифицирована. Мракобесные преследования «еретиков», фанатическое подавление личности — все то, что принято понимать под общим названием маккартизма, одерживает победу».

Прежде чем подвергнуть разбору суждения мистера Аткинсона, я хочу привести некоторые доказательства того, что «другие искусства Америки», по крайней мере в их официально признанных формах, действительно находятся не в лучшем положении, чем театр. «Литература катится по гороу» — так называется статья, опубликованная в столь «жизнерадостном» обычном журнале «Сатердей ревью» оф литературы, который, как и «Нью-Йорк таймс», любит рекламировать экспортную торговлю культурой. Автор статьи Эми Лавман, помощник редактора «Сатердей ревью оф литературы», высказывает мысли, пожалуй, еще менее утешительные, чем мистер Аткинсон. Мисс Лавман пишет:

«Тот факт, что американская литература переживает полосу упадка, только что получил новое подтверждение: харисверская премия в 10.000 долларов за лучший роман, крупнейшая премия американского издательского мира, осталась неприсужденной — впервые за все время ее существования... Трудно сказать, чем, собственно, объясняется подобное бесплодие современной литературы... Писатели наших дней создают унылые, мрачные произведения: это желчная литература, проникнутая сознанием безысходности... Пол и половые извращения, грубая действительность боев и казарменной жизни, беззащитная погоня за щекохочущими нервы ощущениями — вот то, что одерживают многие из серьезных наших романистов. Мир, отраженный в их произведениях, — чрезвычайно ограниченный, замкнутый и в то же время хаотический мир, где в центре всего застылая сенсация и самореклама».

Эта характеристика американской литературы нашего времени не очень-то вяжется с утверждением «Нью-Йорк таймс» о том, что «...при наличии средств можно было бы дать Европе еще больше свидетельств интенсивности американской культурной жизни». Тут скорее надо думать о средствах для того, чтобы скрыть от зарубежного мира подобные пьесы и книги, не говоря уже о таких вещах, как издания «Компкс», голливудские фильмы или журнал «Кольерс». Но целью маршатов Уолл-стрит являются война за мировое господство и фашистская тирания. А этой цели лучше всего соответствует регламентированная, безразличная, навязываясь развращенная, поистине слотская культура, которую сейчас навязывают нашему народу и народам других стран с помощью долларов, из народа же выжимаемых и притом еще приносящих прибыль. Чтобы преуспеть в своих кроваво-жидких замыслах, главы Америки американского капитализма, запре-

«Любопытны причины, заставившие «Сатердей ревью оф литературы» — рупор американской реакции — выступить с критикой современного состояния литературы в США. Как уже отмечалось в советской прессе, этот журнал периодически нападает на демократическую, углаженную литературу, требует создания «здоровых» книг. Оздоровление американской литературы, которое достигается в соответствии с «здоровыми» идеями, должно произойти по рецептам геббельсовской пропаганды. Реалистические критики США жаждут видеть в качестве главного героя литературы «коперника»-сверхчеловека — американского солдата-инженера, крепавшего «рыцаря доллара», глашатая идеи завоевания мирового господства американским империализмом. (Прим. ред.)»

предметом экспорта служит «Подневный мрак» дегенеративного поджигателя войны Артура Бестлера. Пришлое Бромбергу уложит свой талант в чемодан и еще не оправившись от болезни, едет в Лондон в поисках работы. Он умер, не дожидавшись жены и сына, которые, наконец, уже пересекли океан, чтобы воссоединить семью, насильственно разлученную современными инквизиторами. Так совершается «экспорт культуры»

Когда-то мы называли изгнанниками немецких художников, которые силой обстоятельств были вынуждены отрывать себя от своей родины и своего дела. Я помню, как они приезжали к нам. Мы организовали специальный комитет для встречи Анны Зегере (хотя правительство США не разрешало ей с двумя маленькими детьми оставаться в Америке). Людвиг Ренна и других. Встреча с ними, их личный пример послужили нам уроком, которого мы до сих пор не забываем. Благодаря им мы поняли, что мерло для правительства, вступившего на гибельный путь завоевательных войн, служит его отношение к художникам, которые сохранили верность интересам истины и своего народа. Благодаря им мы поняли, что обезличиться для борьбы против войны и фашизма никогда не поздно.

Они показали нам с особой отчетливостью, что у нации, разделенной на классы, всегда существуют две культуры: культура угнетателей и культура угнетенных. И разве не ясно, что подлинная культура — это культура угнетенных, а культура угнетателей обречена на вырождение, совершающееся тем быстрее, чем более хищническим и продажным становится представляемый ею класс? И разве не ясно, какая из этих двух культур должна восторжествовать?

Если мистер Аткинсон и мисс Лавман говорят о бесплодии «нашего» театра и желчном характере «нашей» литературы, то здесь мы вправе внести поправку. Если ли мистер Аткинсон когда-либо позволял себе роскошь смотреть те пьесы, которые действительно принадлежат нам, рабочим, народу. И едва ли критики «Нью-Йорк таймс» и «Сатердей ревью» не то что читают и рецензируют, но хотя бы просто замечают такие произведения, как, скажем, роман Ллойда Брауна «Железный горюк». Будь это так, они, вероятно, более осмотрительно употребляли бы личное местоимение множественного числа.

Во смягчение своей критики «художников», угрожающих культуре, мистер Аткинсон становится на позиции маккартизма по отношению к Советскому Союзу. Но есть факты, которых он не может не знать. Он знает, что такое явление, как упоминавшийся в его статье провал «Короля Лира» на Бродвее, было бы немиссимо в СССР, в стране, где за один год ставится больше шедевральных пьес, чем мистер Аткинсон мог увидеть за всю свою жизнь театрального критика в Америке. Знает он и то, что в Москве идет несколько американских пьес, тогда как любого бродвейского режиссера, вздумавшего поехать советскую пьесу, немедленно поволокли бы в комиссию Маккарена, в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, в ФБР, подвели бы под закон Смита, под закон о регистрации иностранных агентов, и вся Нью-Йоркская пресса набросилась бы на него с кровавыми воем.

Аткинсон до полноты не знает, что «голый расчет», дарящий по его наблюдениям на Бродвее, попросту не существует в советских театрах, процветающих не только в Москве, но и по всей стране, во всем многонациональном Советском Союзе. Известно ему и то, что в отличие от Бродвее, культурного русского военного психоза, презрение к роу человеческому, грубость и пошлость, театр социализма борется за мир, воспитывает уважение к людям, окружает заботой и вниманием своих работников, которым не приходится, как у нас, из сезона в сезон дожидаться — и чаще всего понапрасну — режиссерского кивка. Так или иначе, в Америке предстоит борьба за спасение хотя бы самых элементарных человеческих ценностей; и все больше и больше людей, связанных с той или иной областью культуры, начинают понимать, что это — вопрос жизни и смерти.

Трагическая судьба Мэди Кристинс и Эдварда Бромберга; острый кризис в издательском мире, для которого показательным недавнее увольнение из издательства «Литтл-Браун энд компани» либерального редактора Ангуса Камерона; волнующий протест талантливого британского артистки Джозефины Бейкер против дискриминации негров в США; Нью-Йоркская конференция по вопросу о равноправии негров в искусстве, созванная Национальным советом работников науки, искусств и свободных профессий; исторические усилия доктора Дюбуа и Поля Робсона в борьбе за свободную культуру; разрывавшаяся деятельность в защиту жертв закона Смита — все это способствует зарождению новых идей и новых, независимых проявлений в области культуры.

По сравнению с прошлым перед движением против «контроля над мыслями» сейчас открываются неизмеримо более широкие перспективы. Новые отряды вступают в строй по мере того, как все больше и больше людей осознают, что единственный путь к сохранению культурного наследства нашей страны — это борьба за мир, за свободу негров, за безопасное существование для всех людей труда.

Явления культуры, выросшие на такой почве, будут с радостью встречены в любой стране мира. А для той «борды и процветающей культуры», об экспорте которой хлопочет «Нью-Йорк таймс», рынок сокращается с каждым днем.

Самюэл СИЛЛЕН, редактор журнала «Мессис энд Майнстри»

преметом экспорта служат «Подневный мрак» дегенеративного поджигателя войны Артура Бестлера.

Пришлое Бромбергу уложит свой талант в чемодан и еще не оправившись от болезни, едет в Лондон в поисках работы. Он умер, не дожидавшись жены и сына, которые, наконец, уже пересекли океан, чтобы воссоединить семью, насильственно разлученную современными инквизиторами.

Так совершается «экспорт культуры»

Когда-то мы называли изгнанниками немецких художников, которые силой обстоятельств были вынуждены отрывать себя от своей родины и своего дела. Я помню, как они приезжали к нам. Мы организовали специальный комитет для встречи Анны Зегере (хотя правительство США не разрешало ей с двумя маленькими детьми оставаться в Америке). Людвиг Ренна и других. Встреча с ними, их личный пример послужили нам уроком, которого мы до сих пор не забываем. Благодаря им мы поняли, что мерло для правительства, вступившего на гибельный путь завоевательных войн, служит его отношение к художникам, которые сохранили верность интересам истины и своего народа. Благодаря им мы поняли, что обезличиться для борьбы против войны и фашизма никогда не поздно.

Они показали нам с особой отчетливостью, что у нации, разделенной на классы, всегда существуют две культуры: культура угнетателей и культура угнетенных. И разве не ясно, что подлинная культура — это культура угнетенных, а культура угнетателей обречена на вырождение, совершающееся тем быстрее, чем более хищническим и продажным становится представляемый ею класс? И разве не ясно, какая из этих двух культур должна восторжествовать?

Если мистер Аткинсон и мисс Лавман говорят о бесплодии «нашего» театра и желчном характере «нашей» литературы, то здесь мы вправе внести поправку. Если ли мистер Аткинсон когда-либо позволял себе роскошь смотреть те пьесы, которые действительно принадлежат нам, рабочим, народу. И едва ли критики «Нью-Йорк таймс» и «Сатердей ревью» не то что читают и рецензируют, но хотя бы просто замечают такие произведения, как, скажем, роман Ллойда Брауна «Железный горюк». Будь это так, они, вероятно, более осмотрительно употребляли бы личное местоимение множественного числа.

Во смягчение своей критики «художников», угрожающих культуре, мистер Аткинсон становится на позиции маккартизма по отношению к Советскому Союзу. Но есть факты, которых он не может не знать. Он знает, что такое явление, как упоминавшийся в его статье провал «Короля Лира» на Бродвее, было бы немиссимо в СССР, в стране, где за один год ставится больше шедевральных пьес, чем мистер Аткинсон мог увидеть за всю свою жизнь театрального критика в Америке. Знает он и то, что в Москве идет несколько американских пьес, тогда как любого бродвейского режиссера, вздумавшего поехать советскую пьесу, немедленно поволокли бы в комиссию Маккарена, в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, в ФБР, подвели бы под закон Смита, под закон о регистрации иностранных агентов, и вся Нью-Йоркская пресса набросилась бы на него с кровавыми воем.

Аткинсон до полноты не знает, что «голый расчет», дарящий по его наблюдениям на Бродвее, попросту не существует в советских театрах, процветающих не только в Москве, но и по всей стране, во всем многонациональном Советском Союзе. Известно ему и то, что в отличие от Бродвее, культурного русского военного психоза, презрение к роу человеческому, грубость и пошлость, театр социализма борется за мир, воспитывает уважение к людям, окружает заботой и вниманием своих работников, которым не приходится, как у нас, из сезона в сезон дожидаться — и чаще всего понапрасну — режиссерского кивка. Так или иначе, в Америке предстоит борьба за спасение хотя бы самых элементарных человеческих ценностей; и все больше и больше людей, связанных с той или иной областью культуры, начинают понимать, что это — вопрос жизни и смерти.

Трагическая судьба Мэди Кристинс и Эдварда Бромберга; острый кризис в издательском мире, для которого показательным недавнее увольнение из издательства «Литтл-Браун энд компани» либерального редактора Ангуса Камерона; волнующий протест талантливого британского артистки Джозефины Бейкер против дискриминации негров в США; Нью-Йоркская конференция по вопросу о равноправии негров в искусстве, созванная Национальным советом работников науки, искусств и свободных профессий; исторические усилия доктора Дюбуа и Поля Робсона в борьбе за свободную культуру; разрывавшаяся деятельность в защиту жертв закона Смита — все это способствует зарождению новых идей и новых, независимых проявлений в области культуры.

По сравнению с прошлым перед движением против «контроля над мыслями» сейчас открываются неизмеримо более широкие перспективы. Новые отряды вступают в строй по мере того, как все больше и больше людей осознают, что единственный путь к сохранению культурного наследства нашей страны — это борьба за мир, за свободу негров, за безопасное существование для всех людей труда.

Явления культуры, выросшие на такой почве, будут с радостью встречены в любой стране мира. А для той «борды и процветающей культуры», об экспорте которой хлопочет «Нью-Йорк таймс», рынок сокращается с каждым днем.

ТЕНЬ ГИМЛЕРА — ПАЛАЧУ КОЧЕЖДО: — Я презвыден! Вот вам мой кровавый орден!.. Рисунок Л. Гааса из чехословацкой газеты «Руде право»

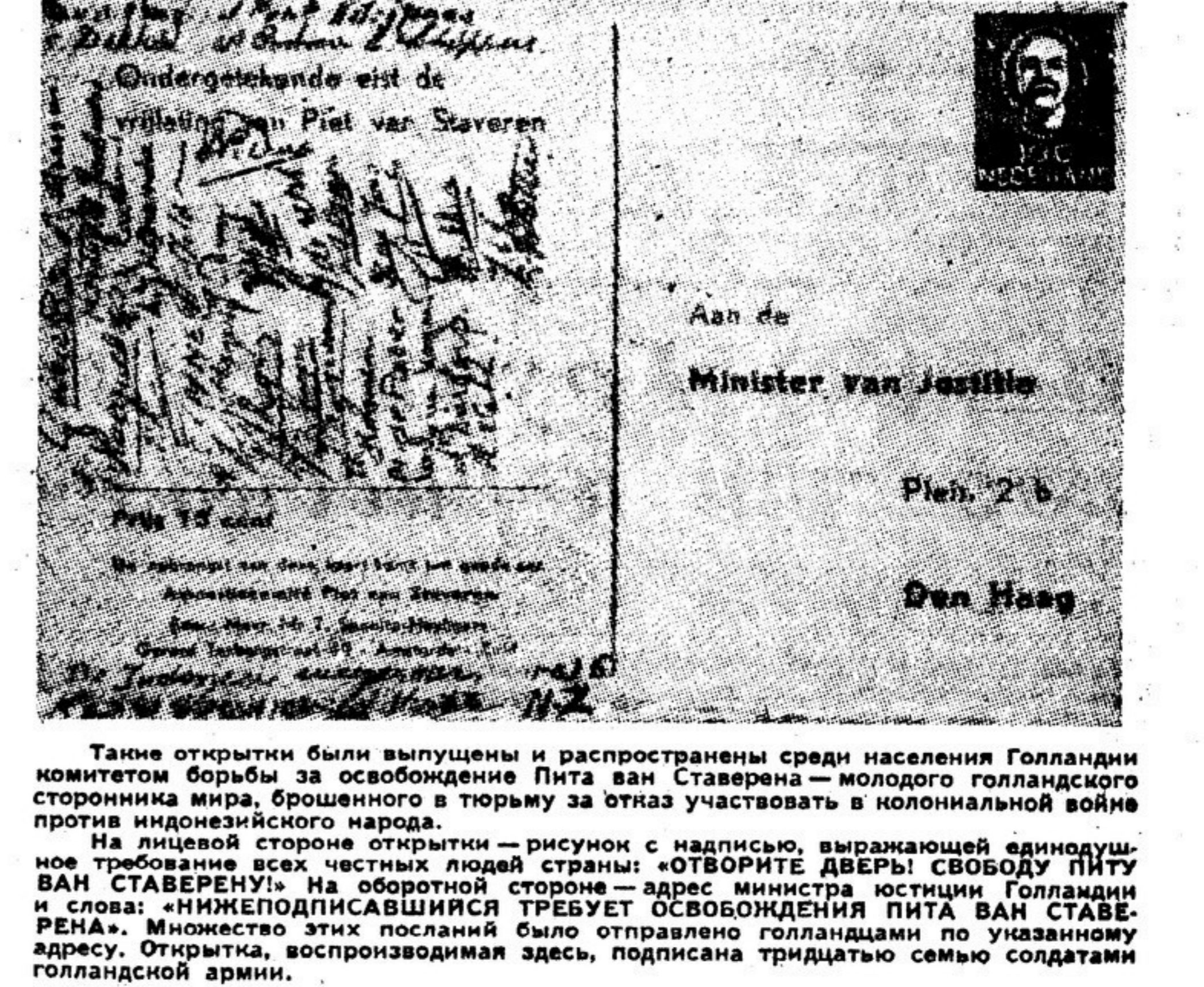
Николай ДОРИЗО НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ! ПРОСТОМУ АМЕРИКАНЦУ

Под утро коммунист сосед был уведен в тюрьму. Ты погнул в квартире свет, ты спрятался во тьму, постыдно заредел ключом, старался не шуметь, и молча крикнул: — Я при чем?!

Глянула в глаза, — одно живое только в них — это ее слеза. Еше теплым-теплым зодом, когда ж он замолчал? Прийти б чуть раньше ей сюда — она б его спасла... Нет!

Не спасла б! Она вдова с тех пор, когда сняла едва свой свадебный наряд... Муж замолчал не час, не два, а много лет назад: когда лет коммунист сосед вьез Гитлером в тюрьму, взял Гитлером в квартиру свет и спрятался во тьму. Молчал, закрыл плотнее дверь, как ты молчишь теперь! Молчал, когда его завод все гнал снаряды из ворот до самых батарей. Молчал, когда на эшафот вели его друзья. Бомбил чужой и свой очаг, стрелял по всем живым, сжигал седых детей в печах молчаньем своим! Как послушная обезья, «Хайль!» — руку поднимал. Болясь смерти он, мертвец, молчал, что сам себя давно убил молчаньем своим... Ты слишком скоро позабыл все то, что было с ним!..

СВОБОДУ ПИТУ Ван СТАВЕРЕНУ!

Такие открытки были выпущены и распространены среди населения Голландии комитетом борьбы за освобождение Пита ван Ставерена — молодого голландского сторонника мира, брошенного в тюрьму за отказ участвовать в колониальной войне против индонезийского народа. На лицевой стороне открытки — рисунок с надписью, выражающей единственное требование всех честных людей страны: «ОТВОРНИТЕ ДВЕРЬ! СВОБОДУ ПИТУ Ван СТАВЕРЕНУ!» На оборотной стороне — адрес министра юстиции Голландии и слова: «НИЖЕПОДПИСАВШИЕСЯ ТРЕБУЮТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПИТА Ван СТАВЕРЕНА». Множество этих посланий было отпралено голландцами по указанному адресу. Открытка, воспроизводимая здесь, подписана тридцатью семью солдатами голландской армии.

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

«ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЧЛО ФА-СОЛЬ НЕПРИГОДНОЙ, ПОЭТОМУ ОНО ОТПРАВИЛО ЕЕ В МЕКСИКУ. Тридцать шесть миллионов фунтов фасоли, лежащей на складах «Коммюнити кредит корпорэйшн» с 1948 года, было недавно продано одной экспортной фирме в Лос-Анжелосе за 900.000 долларов, согласно сообщению, появившемуся в субботу в Нью-Йоркской газете на испанском языке «Ла Пренса». Эти фасолы нельзя было реализовать в США. Инспекторы министерства земледелия США и Нью-Йоркского департамента здравоохранения объявили ее «непригодной для употребления в пищу людьми».

Один из покупателей заявил, что фасоль можно будет продать «для кормления мексиканских пеонюв». Комментарии излишни! — Поены багряки. — Мед.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, А. ГРИВАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЧЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).